

"Запись старая, некачественная, но, несмотря на это, хорошо чувствуется общий ритм и заводная сила этой вещи".

Виктор Славкин
"Взрослая дочь молодого человека"

СТРАННЫЙ ПРЕДМЕТ — рентгеновский снимок со звуковой дорожкой. Это не сюрреалистический выверт и не концептуальная загадка. Это — наша историческая данность. Сейчас вещичка требует пояснений — причём глубоких, на уровне социологии, политики, экономики. Почему вдруг появились кустарные пластинки, состряпанные из столь нетривиального и даже пугающего материала? Переломы на просвет! Фильм Валерия Тодоровского "Стиляги" (2008) начинается с эпизода в медицинском кабинете. Потом нам являют процесс изготовления "бути-бути на костях". Специальный аппарат, нарезавший звуковую дорожку.

РЕНТГЕНОВСКИЙ РОК-Н-РОЛЛ

Выставка «Музыка на костях» в Гараже

Запретный мир. Грязные танцы. "Музыка толстых" — по хлёсткому и грубому выражению пролетарского писателя. Самопальные "диски" продавались на чёрном рынке, из-под полы. Джаз, танцевальная поп-хавчка, Пётр Лещенко и эмигрантские романы — всё годилось для тайного бизнеса.

Это расцвело в послевоенном СССР, когда молодёжь определённого сорта и вида ощутила потребность в эффектах. Оркестр Гленна Миллера, блёстки, шелка, искоры из глаз. Окно в другую, завлекательную life, которая мало походила на бытие в коммунальной квартире с непременной тётёй Зиной, плюющей в соседский рассолник. Реальность Америки и особенно Европы не была краше, но у них имелся киношный миф. Грёза о том, что всё окей, а завтра и тебе повезёт, вот увидишь. Многие исследователи отмечают, что демонстрация всех этих "Серенад Солнечной долины" и "Тарзанов" обернулась крахом. Роковая (от слова rock) ошибка. Не идеологическая, но — бытовая, житейская. Просчитались, когда кинули полугодовалой стране яркую сказку — из неё быстро получилась миф о западном преуспевании. Главным раздражителем были вовсе не наряды и не аппараты, а — музыка. Она казалась иной и манящей. Её сочли главным козырем свободного мира. Более того, постепенно сложилось мнение, что если нам что-то запрещают, стало быть, оно — достойное. Вы запрещаете? Так я буду петь! Доставание англоязычного музона, присконовение к хай-лайф. Писатель-диссидент Василий Ахоёнов постоянно подчёркивал, что джаз, рок-н-роллы, твисты, шейки обернулись чем-то большим, нежели набор звуков. Наивное и агрессивное западничество, приведшее всех нас к отказу от Прекрасного Далёка. Буржуиские танцы, прорывавшиеся через шум и скрипы, — "бути на костях" не отличались высоким качеством, но и такое было в цене, шустрые мальчишки продавали "мечту" в подворотнях, паслись возле музыкальных магазинов, отсуживали потенциальную клиентуру — вон тот в ярких брючках, наверняка, польститесь...

Выставочный центр "Гараж" представляет экспозицию, обращённую в прошлое — к тем забытым чёрным пластинкам с просвечивающимися ребрами, лучевыми косточками и шейками бедра. "Ещё бы! Парни, да эту же пластинку в музей надо. Молодёжь ведь не знает, что у нас первые джазовые пластинки на рентгеновских снимках записывались. Джаз на костях! Музыка на ребрах! Скелет моей бабушки! Это ж вот как крутилось!" — восклицал Прокоп, герой пьесы Виктора Славкина "Взрослая дочь молодого человека". И вот пластинки дождались своего часа. Устроители сообщают: "Выставка "Музыка на костях" посвящена уникальному эпизоду из жизни послевоенного советского общества: в конце 1940-х — начале 1960-х изобретательные со-

ветские меломаны использовали трофейные и самостоятельно изготовленные рекордеры, чтобы подпольно копировать на рентгеновские снимки музыку, не входившую в дозволенный цензурой репертуар".

Интересно, что перед нами — коллекция англичанки. Для Стива Коутса всё это — русская экзотика и арт-объект, а для нас — часть материальной истории. Впервые увидев самодельную рентген-пластинку, британец впал в лёгкое оцепенение: "Я был поражён странной, призрачной красотой этого предмета, стал искать другие образцы, другие записи — так постепенно возникла идея архива этих снимков и оцифровки музыки с них". Сначала возникло изумление, но лишь затем явилась идея музыки. Экспозиция оформлена стильно-молодёжно, как нынче принято: попумрак, подсветка, пространственные решения, которые сами по себе — уже искусство. Громадные светящиеся фотографии тех дисков, во всю стену круг с фрагментами

скелета и сами пластинки с корявыми подписями — "ансамбль такой-то", а то и вовсе диковатое: "Пэт Бун Хали-Гали". Как заклинание. Всё — наспех, ибо в любой момент могла начаться облава. А всё простенько и буднично: Pat Boone — американский исполнитель симпатично-карамельных песенок, некоторое время соперничавший с Элвисом Пресли.

А вот запись композиции "Rock Round The Clock" — считается, что именно с неё началось увлечение рок-н-роллом в Советском Союзе. В короткометражке "Иностранцы" (1960) утро тунейда на фоне "Rock Around the Clock" — позднее, нетрудовое, расслабленное утро. Под ритмы Билла Хейли парень наливает себе рюмочку — какова музыка, таков и настрой. Правда, у этого "мажора" — катушечный магнитофон, признак долгие-вита эпохи Оттелли. Большинство же довольствовалось самопальным "роком на костях". В своей книге "The Strange Story of Soviet Music on the Bone" Стив Коутс констатирует: "Песня Билла Хейли Rock Around the Clock обрела почти мифический статус. Её текст вряд ли может считаться антисоветским, да и вообще протестом против чего бы то ни было, однако звучание в песне предложение бросить всё ради непрекращающегося танца раздражало власть настолько же, насколько восхищало советских стилист". Стив не договаривает — эта вещь, равно как и другие рок-н-рольные композиции, бесили западную консервативную публику, клерикалов, политиков ультраправого и даже умеренно правого направления точно так же, как и советскую номенклатуру. Если у нас эти танцульки считались проявлением буржуазной тлетворности, то в Англии, США говорилось о влиянии... разнужданных "левых" сил, подкармливаемых из Кремля. Во Франции рок-н-ролл объявляли американской дешёвкой. Риторика весьма сходна: лозунги о "чужеродности, пошлости, похавстве. С одним немаловажным исключением: в капстранах "Rock Around the Clock" могли бранить, но дельцы звукозаписывающих компаний смотрели на это сквозь пальцы — прибыль важнее идеологии, а раз молодёжи нравится вертеться и подпрыгивать, будем ей благодарны и подсуеим яркую пластинку. В Советском Союзе мода не имела никакого влияния на Агитпроп: он сам создавал моду или же фильтрровал её, что поступало из-за бугра. Пикантом приходилось выкручиваться и проявлять смекалку, часто не совместимую с моралью и уголовным кодексом.

На выставке можно увидеть диковинный агрегат — рекордер, тот самый, на котором производилась запись. Также можно узнать имена режиссёры, которые держали "бизнес": Борис Тайгин и Руслан Богословский. Гении технологии! Разумеется, они получили ошутимые сроки за свои художества, что было правильным и закономерным. Вместе с тем, их искренне жаль, как

и многих обитателей "параллельного Совдепа" с его самопалом, самиздатом и самогоном. Люди, ползавшие (а не летавшие!) вне системы, вопреки системе и — благодаря системе. Кому пришлось бы в голову наживаться на запрещённой или некольмифлотной музыке, если бы она не была табуирована? Препоны возбуждали страсть — часто порочную, а страсть порождала желание получить, прикоснуться. На выставке представлены записи и русских исполнителей — Петра Лещенко, Вадима Козина, каких-то оркестров. Эмигранты, либо, как Вадим Козин, попавшие в опалу. Занятно выглядят пластинка с романсом Константины Сокольского "Скажите, девушки, подружки вашей" — не все разрешённые исполнители имели доступ к государственной звукозаписи. Многие романы, преспокойно исполняемые на эстраде (особенно в провинции или в курортных городах), оказывались непригодными для официального тиражирования. Так создавался дефицит, повышенный спрос, нервный вопрос: "Где достать?". Общество — даже самое передовое — не может существовать без лёгкой, простенькой и бесмысленной музыки. В Советском Союзе этого упорно не желали видеть и понимать. Что в итоге? Американские и прочие западные "голоса" принимали окупивать нас при помощи своей поп-культуры, а ушные пацаны, вроде вышеуказанных Тайгина и Богословского, клепали свои пяти-семи-десятирублёвые пластинки. Василий Ахоёнов писал: "Первые выловленные из эфира на программе "Голос Америки" в пятидесятые годы звуки "библ" распространились в России на самодельных пластинках, сделанных из рентгеновских плёнок. Труба Гиллеспи и кларнет Гудмана проходили через тесные грудные клеточки, бронхов и лёгочных альвеол. Подпольная индустрия этих пластинок так и называлась "Джаз на костях". Вот вам картина из далёкого советского про-

шлого. Юнцы в свитерах с оленями вокруг чемоданного патефона. Придавленная в центре, чтобы не всплывала, перевёрнутым бокалом, крутится самодельная пластинка...

В ленинградской хронике 1950-х годов показывали лица молодых парней, торговавших рок-н-роллами возле музыкального магазина. Их взяли с поличным. Дегенеративные лица и — добротные плащи, стильно пошитые пиджачные пары, красивые галстуки. Закадровый голос вещает что-то о "...неумудрёной анатомии духовного убожества". Оно так, но не меньшее убожество — такие сюжетты, где ресторанам противопоставляется... учёба в техникуме. На этой дурацкой антитезе выпрыгивали только наши геополитические противники, из года в год воспитывавшие уверенных и циничных западников. Эта выставка — не просто ретро-путешествие или шок-инсталляция, посвящённая старинному русскому ноу-хау. Это — предупреждение всем "запрещальщикам" и "заградителям от скверны". Советский мир упустил молодёжь, которую тут же подхватили и закружили в Rock Around the Clock-е американские радиостанции: чем изошёреннее их глушили, тем сильнее они нравились. Слава рентген-рока закончилась в середине 1960-х — с массовым распространением катушечных магнитофонов. Жить стало проще, лучше, веселее и — безопаснее. Коллекционер Стив Коутс подытоживает: "Конечно, в мире и по сей день есть места, где музыка и культура подвергаются цензуре, но в целом мы живём в эпоху, когда прослушивание любой музыки не предполагает никакого риска, никакой опасности. В чем тогда её ценность?". Ценность с музыкой в самой музыке. Не иногда — в трудностях, с которыми её достаёшь.

Галина ИВАНКИНА

Портрет графа А.К.ТОЛСТОГО (1836), художник Карл БРЮЛЛОВ

ИСТОРИКАМИ (да и многим ценителями) отечественной литературы Алексей Константинович Толстой (1817-1875) часто видится несколько в тени двух своих младших родственников-Николаевичей: Льва (1828-1910) и Алексея (1883-1945). Автор "Бойны и мира" доводится "старшему" Толстому троюродным братом, а автор "Хожения по мукам" — внучатым племянником в четвертом колене.

Впрочем, как сказать: "в тени"? Не в тени тут, наверное, дело. А произведения, написанные им лично и при его участии, несомненно, навсегда вошли не только в классический "золотой фонд" отечественной литературы, но и в наш "культурный код"... Граф Лев Николаевич Толстой был, по определению Ленина, "зеркалом русской революции", "первым настоящим мужиком в русской литературе", граф Алексей Николаевич Толстой — вообще "красным барином" и любимцем "отца народов" Сталина, они полностью соответствовали своему "духу времени".

А вот Алексей Константинович — Толстой по фамилии, но Разумовский-Перовский по внутренней сущности — своему "духу времени" категорически не соответствовал, и даже не спорил с ним (внутри него), а, скажем так, времемет этим брезговал и по возможности его чурался.

Двух станов не боец, но только гость случайный, За правду я бы рад, понять мой добрый меч, Но спор с обелим — досель мой жребий тайный, И к плетве ни один не мог меня привлечь.

А уж как оба эти стана желали заполучить такого бойца! Настоящего былинного богатыря: и тела, и духа.

Граф Алексей Толстой был в то время красивым молодой человек, с прекрасными белокурыми волосами и румянцем во всю щеку. Он еще более, чем князь Барятинский, походил на красную девицу; до такой степени нежность и деликатность проникла всю его фигуру. Можно представить моё изумление, когда князь... стал рассказывать многие действительные опыты силы Толстого: как он свёртывал в трубку серебряные ложки, вгонял пальцем в стену гвозди, разгибал подковы", — свидетельствует, например, Василий Инсарский. А еще — наш герой перебрасывал дувудковую гирю через однотажный дом, сворачивал винтом железную кочеру, в общем, всю свою жизнь богатырствовал вволю...

Не случайно русские богатыри всегда были "путеводной звездой" его творчества — правда, Алёше Поповичу, более близкому своему прототипу, он всегда предпочитал Илью Муромца. Ну, вот и представьте себе "дедушку Илью", да еще прекрасно образованного, свободно владеющего пятью иностранными языками, где-нибудь в министерстве или в прогрессивном журнале...

В каком-то смысле его тоже можно считать демократом, но это был демократизм не "снизу", а "сверху" — демократизм аристократического маскарада, где "все свои" и "без чинов". От наперсника детских игр Александра II, от человека, с младых ногтей вовлеченного в жизнь, явную и тайную,

ПЕРВЫЙ — ТРЕТИЙ

К 200-летию со дня рождения
Алексея Константиновича
ТОЛСТОГО

"высшего света" Российской империи, трудно было ожидать иного. И если ему чем-то действительно претлика сначала "Николаевская", а затем и "Александровская" Россия — так это как раз своей "казарменной демократией", блестящей, безукоризненно, на все времена высмеянной в сатире "Сон Попова", которая датирована летом 1873 года, но её легко спроецировать на сколько угодно лет вперёд или назад:

"Мой идеал полнейшая свобода — Мне цель народ — и я слуга народа! Прошло у нас то время, господа, — Могу сказать; печальное то время, — Когда награды пота и труда Был произвол. Её мы свергли бремя. Народ воскрес — но не вполне — да, да! Ему вступиться должны помочь мы в стирея.

В известном смысле сгладить все следы И, так сказать, вручить ему бразды..."

Нет, господа! России предстоит, Соединив прошедшее с грядущим, Создать, коль смею выразиться, вид, Который называется присутиум Всем временам; и, став на свой гранит, Имущим, так сказать, и неимущим Открыть родник взаимного труда. Надеюсь, вам понятно, господа?..."

Точно так же безукоризненно, на века "выпороть словом" начальники управления по делам печати Михаила Лонгинова, который "из лучших побуждений" пытался запретить издание трудов Чарльза Дарвина, мог толстоаристократ чистой воды.

Полно, Миша! Ты не сетуй! Без хвоста твоя весть ж.па, Так тебе обиды нету В том, что было до потолка...

Способ, как теория Создатель, Что считал Он боле кстатим — Знать не может председатель Комитета по печати.

Собственно, и классическая маска Козьмы Прутков, "директора Пробирной Палатки", созданная Толстым в дружестве со своими двоюродными братьями Жемчужниковыми, имеет те же корни "маскарадной", "карнавальской" сатиры — впрочем, доведенной до такого уровня совершенства, когда она уже начинает отрицать саму себя: "Если на клетке слона прочтёшь надпись 'буйвол', не верь глазам своим!", "Где начало того конца, которым оканчивается начало?", "Если хочешь быть счастливым, будь им", "Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою", — и так далее... Кстатим, случайно ли облик булгаковского Шарикова в фильме "Собачье сердце" 1988 года имеет почти портретное сходство с "каноническим" изображением Козьмы Прутков?

"Его главное духовное стихийе была свобода — опять-таки в идеальном значении этого слова", — подобными свидетельствами современников об Алексее Константиновиче Толстом можно заполнить не одну книгу (в данном случае цитата принадлежит князю В.П. Мещерякову).

Тот же аристократический идеал личной свободы, сопряжённый со служением "пользе Отечества" — в его лирических стихах, в романе "Князь Серебряный", в драматической трилогии "Смерть Иоанна Грозного", "Царь Федор Иоаннович" и "Царь Борис", где именно этот идеал Тол-

стой не только воспевае, но и выдаёт за "корень" воцарения династии Романовых.

Самое важное — никакого разрыва между жизнью и творчеством, хотя долгое время Алексей Константинович жертвовал вторым ради того, что считал своим долгом, участвовал в Крымской войне, был ранен...

В письме к Александру II, приложенном к прошению об отставке, которое было подано в сентябре 1861 года, он писал: "Служба и искусство несомнестимы, одно вредит другому, и надо делать выбор. Большой похвалы заслуживало бы, конечно, непосредственное деятельное участие в государственных делах, но призвания к этому у меня нет, в то время как другое призвание мне дано. Ваше величество, мое положение смущает меня: я ношу мундир, а связанные с этим обязанности не могу исполнять должным образом.

Благородное сердце Вашего величества простит мне, если я умоляю уволить меня окончательно в отставку, не для того чтобы удалиться от Вас, но чтобы идти ясно определившимся путем и не быть больше птицей, цеголяющей в чужих перьях. Что же касается до Вас, государь, которого я никогда не перестану любить и уважать, то у меня есть средство служить Вашей особе, и я счастлив, что могу предложить его Вам: это средство — говорить во что бы то ни стало правду, и это — единственная должность, возможная для меня и, к счастью, не требующая мундира".

Да, то самое, пушкинское: "И истину царям с улыбочкой говорить", — но только в жизни, "весомо, грубо, зримо"...

Пушкин вообще был для Толстого примером и образцом — тем более, что он, благодаря своему дяде и "второму отцу" Алексею Алексеевичу Перовскому, в литературе известному под псевдонимом Антоны Погорьский, с юных лет лично знал величайшего русского поэта, чьи произведения всю жизнь мог цитировать на память без единой ошибки "цельными поэмами"...

Тут всё очень плотно и в некотором роде таинственно переплетено.

Откуда, например, пушкинский "кот учёный" из добавленного в 1828 году "Пролога" к поэме "Руслан и Людмила"?

"У лукоморья дуб зелёный; Златая цепь на дубе том: И днём и ночью кот учёный Всё ходит по цепи кругом..."

Не отсюда ли, от Погорьского? Ведь 25-летний Пушкин писал брату Льву из Михайловского в Петербург 27 марта 1825 года: "Душа моя, что за прелесть бабушкин кот (у Погорьского) — "Лафетовская макловица", — В.В.)! Я перечёл два раза и одним духом всю повесть — теперь только и брежу Т. Фал. (у Погорьского — Аристархом. — В.В.) Мурлыкин. Выступаю плавню, зажмурил глаза, повертывая голову и выбигаю спину — Погорьский велел Перовский, не правда ли?" А ведь Погорьский встречался во время "наполеоновского похода" русской армии в Европу с множеством европейских писателей, включая Иоганна-Вольфганга Гёте, а также Эрнста-Теодора Гофмана, чей знаменитый кот Мурр, таким образом, через своего "родного брата" Аристарха Мурлыкина может оказаться "двоюродным дядькой" пушкинского "кота учёного".

Интересно, что про самую известную повесть Погорьского "Чёрная курица, или Подземные жители" (1829), написанную им как раз для своего любимого племянника, черты характера которого были использованы автором в образе главного

героя — по имени Алёша, разумеется, — Пушкиным не было сказано ни слова...

Погорьский в 1827 году, отправившись вместе с сестрой и племянником в очередную поездку по Европе, "по старой памяти" заехал в гости к Гёте — так 10-летний Алёшенька Толстой лично познакомился с великим автором "Фауста", который подарил мальчику "кусоч мамонтового клыка с собственноручно нацарапанным изображением фрегата" и личной подписью. "От этого посещения, — вспоминал впоследствии Толстой, — в памяти моей остались величественные черты лица Гёте... к которому я инстинктивно был проникнут глубочайшим уважением, ибо слышал, как о нём говорили все окружающие..."

Всё это — лишь немногие факты, важные для понимания истоков и значения "феномена А.К.Толстого" для отечественной литературы и культуры в целом. Желающим получить более полное представление о жизни и "родовых корнях" этого писателя можно порекомендовать прекрасную биографию, написанную таким же "аристократом духа" Дмитрием Анатольевичем Жуковым (издана в 1982 году "Молодой гвардией" в серии "ЖЗЛ").

Художественный метод А.К.Толстого исследователи чаще всего именуют "поздним романтизмом", вроде бы анахронизмом в реалиях русской литературы 50-х—70-х годов XIX века, но, благодаря этой анахроничности, нашедшим почти прямых продолжателей в эпохе "серебряного века" (смысловые ассоциации с "Князем Серебряным" здесь, разумеется, случайны).

Уже не раз доводилось писать о том, что, когда после петровских реформ Россия "прорубила окно в Европу", оттуда сюда хлынула "всё сразу", без соблюдения установившихся "там" временных, жанровых и национальных границ: "рыцарские романы" вместе с сентиментализмом, Вольтер вперемешку с Шекспиром, и так далее... Перефразируя известные слова Сталина, можно сказать, что путь, который европейская литература прошла за четыре с лишним века, русская пробежала меньше чем за сто лет. С невероятными для собственной и мировой культуры последствиями.

Именно поэтому у неё оказались возможными такие "неуместные артефакты", как Алексей Константинович Толстой, явно выходящий за рамки привычного деления на прошлое, настоящее и будущее. Это не романтизм — никакой романтический герой, никакой "Байрон нечереуемой полосо", "москвич в гарольдовом плаще" тут и рядом не стоял. — это своего рода сверхреализм. Такой же невероятный, но и несомненный, как "сверхреализм" Александра Сергеевича Грибоедова, чьё "Горе от ума" — едва ли не единственный шедевр отечественной, да и мировой литературы, безусловно выполняющий фундаментальное теоретическое требование классицизма: единство места, времени и действия. Это — в 1825 году, когда про классицизм в Европе никто уже и не вспоминал...

Когда-то давно первая строка песни Владимира Высоцкого "Две судьбы": "Жил я славно в первой трети...". — в магнитофонных записях почему-то слышались мне так: "Жил я славно, первый-третий..." Сейчас эта странная слуховая аберрация почему-то вспомнилась — и, на мой взгляд, она вполне подходит в качестве заголовка статьи об Алексее Константиновиче Толстом, который среди своих великих литературных родственников-однофамильцев вроде бы третий, но одновременно — и первый...

Владимир ВИННИКОВ

ДОНСКОЙ РОМАНТИК

Юбилей
Олега ГАПОНОВА

РАЗОЧАРОВАНИЕ лета-2017 — отмена московской гастроли "Церкви детства", "Мёртвого Аксая" и Олега Гапонова: дончане основательно разболелись накануне визита в столицу. Ведь в апреле этого года, после очередной паузы, Гапонов появился с новыми песнями. А 28 августа он, одним из первых в отечественном андеграунде, отмечает пятидесятилетие.

В самом первом номере газеты "День" (№6 за 1992 год), который я купил в своей жизни, оказалась статья про ростовскую группу "Зазеркалье" — рассказ Олега Гапонова об альбоме "Солдатская совесть". По-настоящему, что взгляды с годами уточнялись, пересматривались, менялись, но, как мне кажется, те идеи и по сей день питают Гапонова.

"Солдатская совесть" — это первая, на мой взгляд, пока не до конца удачная попытка воспеть такие человеческие качества, которые прямо противоположны современному облику человека (упадничеству, рабству, отсутствию пафоса, возвышенного отношения к жизни, пренебрежение к красоте). Мы проживаем великое время заживания человека как существа антропоморфного, и на смену ему приходит зооморфный монстр с "гноем в жилах вместо крови". Великий век обмельчания души и обмельчания страсти. Пафос в моём понимании — это некий продукт любви между человеческой душой и окружающим миром (имеется в виду не человеческое общество только, а мир как божественное творение)...

Публикация вышла под названием "Русский рок", которое, наверняка, было поясняющим редакционным выбором. Конечно, термин не имел нынешнего откровенно затёртого звучания, но формулы и лексика Гапонова совсем не ввязались с речами и формулами известных мне на тот момент рок-деятелей. Сквозь истерики, самопоование и лицедейство прозвучало веское мужское слово. Уникальность "Зазеркалья" подтвердил и знакомство с альбомами группы — та самая "Солдатская совесть", "Бургорки безымянных могил", "Crazy House Music" и др. Здесь жили романтический нигилизм и мрачный сарказм, жестокие антиутопии и власть судьбы, тразэстетика и античные идеалы... Гапонов мог выдавать мизантропические пассажи в отношении нищезанского "последнего человека" и по-настоящему сочувствовать "простому человеку", оказавшемуся на пути цивилизационной мегамашины.

"Зазеркалье" умирало, возрождалось и вновь уходило в тень. Сначала на обломках "Зазеркалья", в соавторстве с Иваном Трофимовым, был создан радикальный ансамбль "Че Данс", просуществовавший недолго, но знатно пошумевший. Были проекты "Атомный самолёт будущего" и "Фигура". Гапонов экспериментировал с пост-панком, блюзом, сёрфом, индастриалом, синти-попом. В рамках электронного "Фигуры" он вёл беседу "с бессознательным в человеке". В середине нулевых случилось неожиданное возвращение "Зазеркалья" на сцену и обращение к аутентичному андеграунду, к психоделии 60-х.

Донской дух долгое время воплощался в песнях Гапонова без какой-либо внешней атрибутики. При этом Гапонов активно участвовал в казачьем движении, стоял у истоков возрождения шермий — традиционных воинских составных казаков. И после очередного кризиса "Зазеркалья" всё-таки появились проекты, непосредственно связанные с историей и культурой Донского края — "Хлеб-Соль" и "Донская Романтика".

Кстатим, именно романтизм и может быть наиболее точным определением для гапоновских проявлений.

Гапонов всегда убеждённо отказывался играть по навязанным правилам, следовать за шоу-бизнесом. Посему было даже сложно помянуть о коммерческом успехе. Зато было и есть влияние и уважение в независимых средах и сообществах.

Вокруг Гапонова и его групп всегда ходит много легенд, что неудивительно. Как действительно выдающийся человек, он противоречив, подвержен увлечениям. Но искренность, неприятие лукавства — одна из вечных установок Гапонова и в музыке, и в жизни. А главное — поистине титаническая сила песен и "нескромное" обаяние личности.

Многая и благая лета, Олег!

Андрей СМЕРНОВ

Вышли две новые книги Тимура ЗУЛЬФИКАРОВА: "Земные и небесные странствия поэта" и "Золотые письма любви". Справки по телефонам: 8 (917) 571-67-12; 8 (499) 147-17-25

В редакцию журнала "Наш современник" поступили книги "Классика и мы: дискуссия на века" (М., "Алгоритм", 2016. Сост. С.С. Куняев) и Татьяна Глушкова ("О "русскости", о счастье, о свободе" (М., "Алгоритм", 2016. Сост. С.С. Куняев). Адрес редакции: Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Евгений ГОЛОВИН. Где сталкиваются миры. Европейская литература: очерки и эссе 1960-1980-х годов. М.: Наше Завтра, 2014. — 384 с.

Книга издательства "Наше Завтра" знакомит читателя с Евгением Бесоводовичем Головиным: эссеистом 60-х — 80-х. Напечатанные и неопубликованные работы той ранней поры посвящены литературным темам. Очерки и эссе, извлеченные из архивов, составили яркую палитру поэтической индивидуальности и философской эрудиции Головина. Статьи — портреты зарубежных поэтов и прозаиков, очерки взаимосвязи поэзии и музыки, поэзии и математики — всё это интереснейшая предистория философской эссеистики 90-х — 2000-х.

Справки по телефону: 8 (495) 951-19-02.